

Конспирологические теории в период пандемии: эффекты сознания

Ардашев Роман Георгиевич,

кандидат юридических наук, старший преподаватель-методист отдела организации учебного процесса управления учебно-методической работы Академии управления МВД России
E-mail: ardashev.rg@bk.ru

В статье проводится анализ фактического распространения различных теорий заговора, возникающих в период распространения COVID-19. Анализируются процессы и механизмы воздействия на общественное сознание ложных установок в отношении причин и последствий пандемии. Рассматриваются социальные факторы, способствующие возникновению и распространению конспирологических теорий. Также рассматриваются результаты фокус-группового исследования, построенного на обсуждении результатов контент-анализа СМИ на предмет теорий заговора, где подтверждаются и объясняются механизмы распространения конспирологических теорий в условиях нестабильности, которые приводят к социальной дезинтеграции и конфронтации. Раскрываются противоречивые эффекты сознания в виде отсутствия критичности, приверженности мнимой логике и софистическим рассуждениям. Делается вывод о необходимости социального контроля и усиления работы по разоблачению фейковых новостей о теориях заговора.

Ключевые слова: эпидемия, пандемия, конспирологические теории, теории заговора, эффекты сознания, социальные страхи, паника, дезинформация

Коронавирусная инфекция стала поводом для очередного всплеска конспирологических теорий. В сети интернет появляется множество недостоверной информации, нагнетающей информационное пространство пессимистическими и/или заведомо ложными идеями, гипотезами, фактами в отношении возникновения, распространения, появления новых штаммов инфекции. Это препятствует рациональному адекватному восприятию ситуации с распространением пандемии, увеличивает панику и неадекватные формы поведения среди населения и приводит к закреплению идей о теориях заговора. Новые конспирологические теории, возникшие на основе пандемии COVID-19 мы вполне можем назвать как эпидемию теорий заговора.

Люди склонны доверять той информации, которая близка их личному мнению или согласуется с их ожиданиями (негативными или позитивными) и дает объяснение (не всегда логическое и рациональное, но всегда «понятное») тому, что происходит вокруг. Конспирологические теории выступают основой объяснения очень многих социально-экономических и культурно-политических процессов на протяжении нескольких тысяч лет.

Но в период непривычных жизненных обстоятельств, ограничений во внешнем взаимодействии, изменении привычного повседневного уклада – усиливается желание найти виноватых и объяснить происходящие процессы. Из-за противоречивости информации, транслируемой СМИ формируется ложная информация или изначально приводится такая аргументация, которая позволяет сделать однозначный вывод о наличии теории заговора против всего человечества (случай с НЛО), против россиян из-за ресурсов (Теория золотого миллиарда), против людей нового поколения /мышления /

эпохи и т.д. (теория заговора древних цивилизаций или атлантов и т.д.).

Регулярная дезинформация органов власти США, Китая, России и других о происхождении коронавирусной инфекции приводит к дополнительному усилению актуальности и правомерности возникающих теорий заговора. Некоторые исследователи [14] говорят о партизанской идеологии (как при- верженности какой-то одной идее или мнению, равнодушное отношение, эмоциональная включенность, позволяющая поддерживать кого-либо или что-либо) – заведомом распространении ложной информации о коронавирусной инфекции.

Распространение информации о теории заговора через пандемию распространяется значительно быстрее, чем сама пандемия. И усложняет поиск достоверной информации, не позволяет выделить достоверную или не достоверную информацию и как следствие этого выступает паника, которая может мешать противоэпидемиологическим мерам. Так срабатывает общественное сознание на явные или не явные формы проявления изменения функционирования общественного воспроизводства по привычным формам.

Наиболее притягательны теории заговора, адаптированные к местным реалиям. Например, вирус призван сократить население старшего возраста, чтобы не платить им пенсию и освободив рабочие места для более молодых людей. Или же влияние вируса призвано опустошить территории отдельных стран от основного населения и их место займут мигранты (китайские, арабские и т.д.). Или же – благодаря вирусу проводится селекция людей, более слабые особи умирают, а сильные будут основывать новую расу людей [11].

В тоже время, имеется ряд публикаций о том, что борьба с пандемией – это форма передела социально-экономического и политического влияния, когда целые секторы экономик умирают и рождаются новые ниши за максимально короткие сроки (инфо-бизнес, удаленное обучение). Подоб-

ные публикации вселяют в население надежду, что все придет на круги своя, включается компенсаторная функция. И тут скорее стоит говорить о падении доверия к власти, нежели чем о реальных пандемических формах развития социального взаимодействия.

Весьма показательным выступает исследование испанских ученых – о распространении фейковой конспирологической информации в социальных сетях, вовлеченности пользователей в эти обсуждения через репосты и комментарии и последствия данного информационного взаимодействия [14].

Методика исследования

Мы использовали коммуникативный контент-анализ, через моделирование количественных и качественных данных, размещенных в социальных сетях, касающихся информации о пандемии COVID-19 и возникающих конспирологических теориях. В основе этого метода лежит коммуникативная методология, предполагающая изначальный диалог между исследователем и респондентом, когда последнему предлагаются варианты выбора ответов, на основе его жизненного опыта с условием приведения примеров из личной жизни. В то же время, варианты ответов предлагаются на основе научных данных и практического обобщения имеющегося опыта. Эпистемология и диалог – выступают основными инструментами социального конструирования реальности через призму конспирологических теорий в условиях пандемии.

Также мы выделили наиболее активно цитирующие публикации и комментарии к ним. И также страницы тех пользователей, с которых началась трансляция публикации с элементами теории заговора.

Все публикации в ходе исследования были разделены на четыре категории: ложная информация, научная симуляция (якобы имеющиеся научные данные), факты (публикации с якобы достоверными фактами) и смешанная информация. В анализе участвовало 2250 публикаций.

Далее мы провели 6 фокус-групп, на которых с участниками обсуждали результаты первого этапа исследования (анализа фейковых публикаций и конспирологических теорий, посвященных COVID-19). В них приняли участие 60 человек в возрасте от 18 до 65 лет, 52% женщин и 48% мужчин, занятых в разных секторах экономики, имеющих раз-

ный социально-демографический статус.

Анализ полученных данных

Из всех данных, 43,2% содержали ложную информацию, 34,5% поддерживались научной симуляцией, только 8,7% содержали достоверную информацию и 13,6% принадлежали к смешанной информации (см. рис. 1).

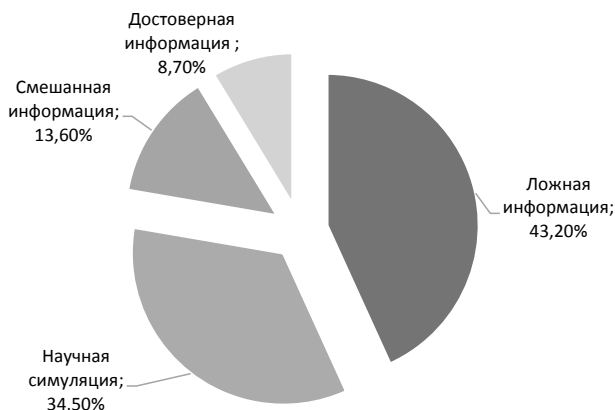

Рис. 1. Публикации, прямо или косвенно указывающие на наличие теорий заговора при распространении COVID-19

Примерами того, что вирус выступает биологическим оружием, являлись видео о том, как люди падают по среди улицы в обморок из-за COVID-19. Среди всей ложной информации подобные видео занимают практически половину эфира (42,1%), второй по значимости ложный посыл находится в кликовых заголовках (ярких, провокационных, на которые нажимают и переходят по ссылке на другую страницу) – 36,4%. Например, «COVID-19 как выжить при биологическом поражении», «Современный геноцид: выживают информированные», «Выжившим в пандемию COVID-19 посвящается» и проч.

Еще одну группу публикаций составили информационные сообщения о том, что известные состоятельные личности заинтересованы в «уменьшении населения земли» через финансирование экспериментов с вирусами (Б. Гейтс, Д. Трамп) – 21,5%. Например: «Трамп финансирует лаборатории по производству новых вирусов»,

«Мировая вопа началась через производство вирусов на деньги Д. Трампа», «Бил Гейтс заинтересован в том, что населения было меньше, но оно пользовалось большим количеством гаджетов», «Деньги мультимиллиардеров направляются на разработку новых вирусов», «Выживут в битве тиранов – те, кто переживет новые испытания с вирусами, разработанными для Б. Гейтса» и т.д. Графически данные результаты представлены на рис. 2.

Интересно, что подобную информацию в два раза чаще (68,9%) пересылали друзьям и знакомым, а также размещали у себя на странице, нежели чем достоверную информацию (13,4%) или смешанную (17,7%). Это указывает на то, что конспирологические теории, на каких-бы странных умозаключениях не строились – они легко распространяются, в их легко верят (критичность не срабатывает) и они меняют логику построения причинно-следственных связей и умозаключений.

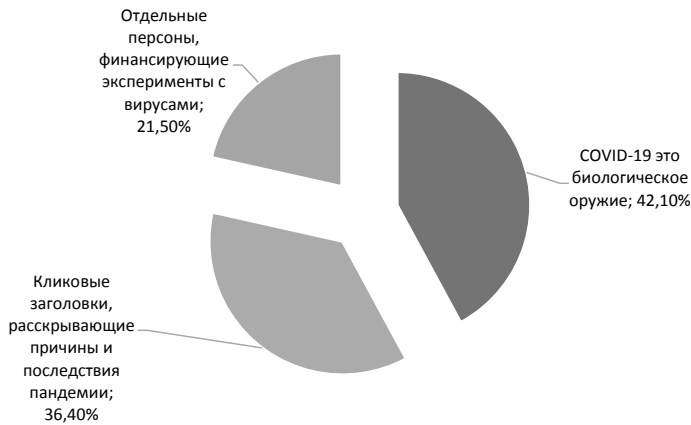

Рис. 2. Три типа публикаций, подводящих читателя к тому, что теория заговора существует

Участники фокус-групп говорили о том, что 89% из них регулярно встречается с конспирологической информацией, касающейся COVID-19 и только 11% сказали, что не обращали лично на эту информацию внимания, но слышали о ней от знакомых.

Зачастую эта информация о заговоре других государств (чаще Китая или США) против мира или отдельных стран (52,3%). Реже встречается информация

о том, что COVID-19 это вирус, который «проснулся» как наследие древних цивилизаций в виде проклятия, так как мы не чтим законы предков и разрушаем планету (24,7%). На третьем месте, стоит теория о внеземном происхождении COVID-19 и соответственно – заговоре других цивилизаций против нас – 13,4% и 9,6% занимают другие конспирологические теории (см. рис. 3).

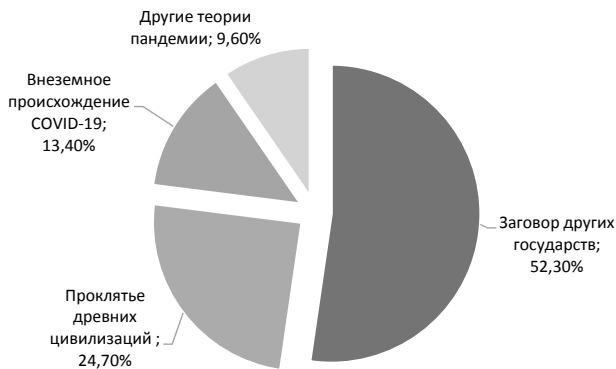

Рис. 3. Информация о заговоре, связанная с пандемией, на которую обращали внимание участники фокус-групп

Участники фокус-групп, только в 36% называют приверженцев теорий заговора в отношении COVID-19 сумасшедшими, тогда как в отношении поведения участников других теорий заговора (не связанных с пандемией) – сумасшедшими называют в 85% случаев. Более чем в два раза чаще. Это можно

объяснить тем, что они сами погружены в проблематику пандемии, безучастными не могут быть те, кто живет в социуме, так как те или иные ее отголоски есть в любой среде и на любой территории (начиная отношения масок, заканчивая вакцинацией). Тогда как, другие конспирологические теории не так яв-

ственно представлены в жизни (не каждый день можно наблюдать их примеры, причины или последствия). Сказывается воздействие психологического фактора восприятия информации.

Из участников фокус-групп, 42,1% готовы вступить в борьбу лично чтобы противостоять заговору против «нас». Интересно, что под «нами» понимаются максимально широкие группы. Это и «человечество» (25,1%), «россияне» (23,3%), «европеиды» (18,7%), «здо-

ровые люди» (13,8%), «умные люди» (10,2%), другие категории заняли все вместе 8,9%. Готовы изучать информацию, но активно не вовлекаться в борьбу, а быть может и стать сторонниками 34,4% и только 23,5% не готовы противостоять теориям заговора, считая, что это бесполезно (52,1%) или не безопасно (47,9%). На рис. 4 представлено соотношение тех, кто и как настроен на взаимодействие с теориями заговора и их конкретными представителями.

Рис. 4. Личное отношение к теориям заговора

Обсуждение результатов исследования

Слухи распространяются особое интенсивно в период социальной нестабильности и дезинтеграции, так как дают хоть какую-то информацию о том, что происходит. И достоверность этой информации стоит увы не на первом месте. Уровень критичности в кризисных моментах также падает и это делает людей более уязвимыми.

Дезинформация делается с целью провокации неадекватного поведения, которым можно воспользоваться в будущем; или с целью экономических выгод (через призывы покупки каких-то товаров или услуг); или с целью понижения авторитета органов власти и т.д. Все вместе – это способствует дезинтеграции общества, увеличению конфликтности и напряженности на отдельных территориях или социальных группах. В целом ведет к спаду социально-экономического развития и угрозе национальной безопасности.

Если рассматривать отдельных людей – то ложные конспирологические теории могут привести к психическим заболеваниям и иным трансформациям личности (об этом более подробно было рассмотрено в некоторых работах автора [1–5], Р.В. Иванова [6–8], П.Г. Кошкина [9] и А.М. Прилуцкого [10]).

На You Tube во время пандемии за 30 дней было опубликовано более 500 000 000 видео с названием COVID-19, в Google Scholar более 20 000 статей, посвященных пандемии. Более того, было размещено более 700 000 000 твитов с этими тегами. По данным этих сервисов: более 70% этих сообщений были созданы людьми старше 35 лет, 20% авторов были детьми, 57% мужчин и 43% женщин. И только 32% из них основываются на достоверной информации! [15].

Как ответ на данные публикации была создана компания с противоположным смыслом: «Разрушители мифов», цель которой – разрушить кон-

спирологические теории, заведомо ложную информацию, которая касается пандемии [16]. Также становятся все более актуальны вопросы по кибербезопасности граждан, так как в период изоляции и последующих ограничений в передвижении могут возникать сложные личностно-психологические и социально-деструктивные формы поведения, способствующие негативному развитию общественного мнения.

Полученные данные в результате анализа фокус-групп также показывают готовность респондентов воспринимать, а порой и прислушиваться к любой информации, касающейся COVID-19, уменьшать критичность и, следовательно, потенциально становится как минимум жертвой, а в некоторых случаях и адептом конспирологической теории.

Возникновение конспирологических теорий обусловлено тем, что научные знания доносятся до общественности на непонятном для них языке. Чтобы не было оснований для возникновения теорий заговора – следует менять контекст и формы донесения и объяснения информации. В сети интернет ложная информация излагается на доступном уровне и простым языком, поэтому критичность к ней понижается. И этот вопрос требует дополнительного внимания и контроля со стороны органов власти.

Литература

1. Ардашев Р.Г. COVID-19: Влияние конспирологических теорий на качество жизни россиян // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России. Всероссийская научная конференция с международным участием: сборник материалов. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, 2020. С. 140–142.
2. Ардашев Р.Г. Иррациональность мышления через призму интерпретации теорий заговора // Вестник развития науки и образования. 2020. № 1. С. 46–55.
3. Ардашев Р.Г. Конспирологические теории как показатель социальной напряженности при пандемии COVID-19 // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке. сборник научных трудов. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Иркутский государственный университет. 2020. С. 308–311.
4. Ардашев Р.Г. Теории заговора в общественном мнении россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. Ч. 1. (№ 42). С. 145–154.
5. Ардашев Р.Г. Трансформация сознания после пандемии: новые грани виртуальности // Социальная реальность виртуального пространства. материалы II Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2020. С. 56–63.
6. Иванов Р.В. Виртуальное взаимодействие: истинность и ложность // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. Грозный – Махачкала, 2020. С. 161–165.
7. Иванов Р.В. Влияние пандемии COVID-19 на социальное напряжение // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке. сборник научных трудов. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Иркутский государственный университет. 2020. С. 311–313.
8. Иванов Р.В. Качество жизни в виртуальном мире // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России. Всероссийская научная конференция с международным участием: сборник материалов. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, 2020. С. 44–46.
9. Кошкин П.Г. Коронавирус в умах: как пандемия превратилась в ин-

- формационную эпидемию и как с ней бороться / Российский совет по международным делам. – 2020. – 8 апреля. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-andcomments/analytics/koronavirus-umakh-kak-pandemiya-prevratilas-v-informatsionnu-yu-epidemiyu-i-kak-s-ney-borotsya/> (дата обращения: 03.08.2021).
10. Прилуцкий А.М. Коронавирусная инфекция и религиозные дискурсы медицинской конспирологии // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2020. Т. 33. С. 108–114.
 11. Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета / Архипова А.С., Радченко Д.А., Козлова И.В., Пейгин Б.С., Гаврилова М.В., Петров Н.В. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 6. – С. 231–265. – Режим доступа: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778> (дата обращения: 03.08.2021).
 12. Садыков Д.И., Ахметьянова Н.А. Распространение фейковых новостей во время пандемии COVID-19 // Colloquium-journal. – 2020. – № 8. – С. 78–79.
 13. Скуденков В.А. Особенности социальных рамок психического здоровья // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. ФГБОУ ВО ИГМУ Минздрава России. Иркутск, 2020. С. 39–43.
 14. COVID-19 infodemic: more retweets for science-based information on coronavirus than for false information / Pulido C.M., Villarejo-Carballido B., Redondo Sama G., Gómez A. // International sociology. – 2020. – Vol. 35, N 4. – P. 377–392.
 15. UN tackles «infodemic» of misinformation and cybercrime in COVID-19 crisis / The United Nations Department of global communications. – 2020. – Mar 31. – Mode of access: <https://www.un.org/en/un-coronavirus-communications-team/un-tackling-infodemic-misinformation-and-cybercrime-covid-19> (accessed: 23.08.2021).
 16. Understanding the infodemic and misinformation in the fight against COVID19: factsheet / Pan American Health Organization. – 2020. – Mode of access: https://iris.paho.org/bitstream/handle/10665.2/52052/Factsheet-infodemic_eng.pdf (accessed: 23.08.2021).

CONSPIRACY THEORIES DURING A PANDEMIC: THE EFFECTS OF CONSCIOUSNESS

Ardashev R.G.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article analyzes the actual spread of various conspiracy theories arising during the spread of COVID-19. The processes and mechanisms of influence on the public consciousness of false attitudes regarding the causes and consequences of the pandemic are analyzed. The social factors contributing to the emergence and spread of conspiracy theories are considered. It also examines the results of a focus group study based on a discussion of the results of media content analysis for conspiracy theories, which confirms and explains the mechanisms of the spread of conspiracy theories in conditions of instability that lead to social disintegration and confrontation. The contradictory effects of consciousness are revealed in the form of a lack of criticality, adherence to imaginary logic and sophistic reasoning. The conclusion is made about the need for social control and strengthening the work to expose fake news about conspiracy theories.

Keywords: epidemic, pandemic, conspiracy theories, conspiracy theories, effects of consciousness, social fears, panic, disinformation.

References

1. Ardashev R.G. COVID-19: Influence of conspiracy theories on the quality of life of Russians // Influence of the quality of life on the formation of the value structure of the population of Russia. All-Russian scientific conference with international participation: collection of materials. Moscow State University M.V. Lomonosov. Moscow, 2020. S. 140–142.

2. Ardashev R.G. Irrationality of thinking through the prism of interpretation of conspiracy theories // Bulletin of the development of science and education. 2020. No. 1. S. 46–55.
3. Ardashev R.G. Conspiracy theories as an indicator of social tension in the COVID-19 pandemic // Spaces of social tension and strategic consensus interactions in the 21st century. collection of scientific papers. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Irkutsk State University. 2020.S. 308–311.
4. Ardashev R.G. Conspiracy theories in the public opinion of Russians // Mission of confessions. 2020.T.9. Part 1. (No. 42). S. 145–154.
5. Ardashev R.G. Transformation of consciousness after a pandemic: new facets of virtuality // Social reality of virtual space. materials of the II International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2020.S. 56–63.
6. Ivanov RV Virtual interaction: truth and falsity // Humanitarian knowledge and spiritual security. Collection of materials of the VII International Scientific and Practical Conference. Grozny – Makhachkala, 2020.S. 161–165.
7. Ivanov R.V. Impact of the COVID-19 pandemic on social tension // Spaces of social tension and strategic consensus interactions in the XXI century. collection of scientific papers. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Irkutsk State University. 2020.S. 311–313.
8. Ivanov RV Quality of life in the virtual world // Influence of quality of life on the formation of the value structure of the population of Russia. All-Russian scientific conference with international participation: collection of materials. Moscow State University M.V. Lomonosov. Moscow, 2020.S. 44–46.
9. Koshkin P.G. Coronavirus in the minds: how the pandemic turned into an information epidemic and how to fight it / Russian International Affairs Council. – 2020. – April 8. – Access mode: <https://russiancouncil.ru/analytics-andcomments/analytics/koronavirus-v-umakh-kak-pandemiya-prevratilas-v-informatsionnu-yu-epidemiyu-i-kak-s-ney-borotsya/> (date of access: 08/03/2021).
10. Prilutsky AM Coronavirus infection and religious discourses of medical conspiracy // News of Irkutsk State University. Series Political Science. Religious studies. 2020.Vol. 33, pp. 108–114.
11. Ways of Russian infodemic: from WhatsApp to the Investigative Committee / Arkhipova A.S., Radchenko D.A., Kozlova I.V., Peigin B.S., Gavrilova M.V., Petrov N.V. // Monitoring public opinion: economic and social changes. – 2020. – No. 6. – P. 231–265. – Access mode: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778> (date of access: 03.08.2021).
12. Sadykov D.I., Akhmetyanova N.A. The spread of fake news during the COVID-19 pandemic // Colloquium-journal. – 2020. – No. 8. – P. 78–79.
13. Skudunkov VA Features of the social framework of mental health // Philosophy of health: an integral approach. Interuniversity collection of scientific papers. FSBEI HE ISMU of the Ministry of Health of Russia. Irkutsk, 2020.S. 39–43.
14. COVID-19 infodemic: more retweets for science-based information on coronavirus than for false information / Pulido C.M., Villarejo-Carballido B., Redondo Sama G., Gómez A. // International sociology. – 2020. – Vol. 35, No. 4. – P. 377–392.
15. UN tackles “infodemic” of misinformation and cybercrime in COVID-19 crisis / The United Nations Department of global communications. – 2020. – Mar 31. – Mode of access: <https://www.un.org/en/un-coronavirus-communications-team/un-tackling-'infodemic'-misinformation-and-cybercrime-covid-19> (accessed: 08/23/2021).
16. Understanding the infodemic and misinformation in the fight against COVID19: fact-sheet / Pan American Health Organization. – 2020. – Mode of access: https://iris.paho.org/bitstream/handle/10665.2/52052/Factsheet-infodemic_eng.pdf (accessed: 23.08.2021).